

ИЛЛЮЗИИ «БЕНБЕРИЗМА»

ДВА молодых джентльмена — Алджернон Монкрайф и Джон Уортинг, с аппетитом поедая приготовленные слугой сэндвичи, изоцраются в остроумии и признаются друг другу в «бенберизме». Каждый из них живет двойной жизнью: у Алджернона имеется вымышленный друг — вечный инвалид Бенбери, Джон притворяется, что очень занят судьбой несуществующего беспутного младшего брата Эрнста.

Забота о выдуманных Бенбери и Эрнсте позволяет друзьям иногда улизнуть от надоевших им светских и семейных обязанностей, уйти из узкого, тесного мирка светских правил и приличий. «Ничто на свете не заставит меня расстаться с Бенбери, — говорит Алджернон Джону, — и если вы когда-нибудь женитесь... вы будете очень рады познакомиться с мистером Бенбери. Человеку, который женится, предстоит много скучных дней, если он не знаком с Бенбери».

Так начинается первое действие комедии О. Уайльда «Как важно быть серьезным», идущей на сцене Московского театра имени Пушкина.

В этой комедии, как и в других своих пьесах, Уайльд не сокращает никаких буржуазных основ, а лишь снисходительно подшучивает над чудачествами и слабостями симпатичных, уважаемых джентльменов. Но в то же время шутки автора часто незаметно переходят в открытую издевку, а снисходительность к сыгым и беспечным денди — в ядовитую иронию.

Для английского светского общества, которое изображает в своей комедии Уайльд, высшей нормой поведения является внешняя благопристойность; необходимо лишь казаться respectableм, положительным, серьезным, «во всех важных вопросах главное — стиль, а не искренность».

«Бенберируя», уайльдовские герои пытаются обрести свободу действий, уйти от действительности в свой выдуманный мир, но весь их «бенберизм» — это лишь иллюзия свободы, не нарушающая общепринятых норм и канонов.

В комедии это показывается остроумно, наглядным способом: Джон Уортинг, представившийся своим знакомым в Лондоне под именем вымышленного брата Эрнста, шокировавший ревнителей благопристойности своей биографией подкидыша, в конце пьесы обретает приличное происхождение

и узнает, что его и в самом деле зовут Эрнстом, что он всю жизнь говорил только правду и был вполне порядочным джентльменом. Уайльд заставляет своего героя закончить пьесу шутливой фразой: «Я впервые в жизни понял, как важно быть серьезным».

Но сквозь всю эту формальную благопристойность чувств и отношений, сквозь грациозную игру слов проступает у Уайльда и другое — тоска, правда, скрытая, но все же ясно ощутимая тоска по искренности, естественности, живым, настоящим человеческим чувствам.

Оскар Уайльд, сам искавший прибежища от пошлой и скучной буржуазной действительности конца XIX века в культуре «наслаждения» и красоты, обнаружил серьезную художественную проницательность, разглядев в буржуазном мире социальную болезнь бенберизма, иронизируя над иллюзиями своих бенберистов.

Паразитическая жизнь всегда рядится в живописные одежды, создает иллюзии, чтобы скрыть от других и от себя свое убожество и бесперспективность.

«Бенберизм» буржуазного общества, порожденный паразитизмом, пресыщенностью и в то же время неудовлетворенностью буржуазным существованием, принимает в настоящее время все более сложные и странные формы. Он повсюду дает о себе знать в современном буржуазном обществе — в политике, науке, музыке, в диких полотнах абстракционистов, во всех проявлениях нынешнего модернизма.

Спектакль Московского театра имени Пушкина (режиссер Н. Петров), уже больше года пользующийся у зрителя успехом, стремится подчеркнуть позерство, ставшее второй натурой, внутреннюю незначительность светских бездельников, иллюзорность, формальность всей их манеры жить.

В игре артистов Ю. Стримова (Алджернон Монкрайф), П. Березова (Джон Уортинг), Л. Ивановой (мисс Ферфакс) есть одна очень удачная черта — верно найденный тон иронического отношения к своим героям; в их исполнении есть мягкость, непринужденность, которая, к сожалению, иногда подменяется внешней развязностью.

Самое трудное в сценическом воплощении Уайльда — это облечение ядовитой иронии в форму легкой шутливости. Наиболее удачным выражением уайльдовской стилиевой манеры представляется

исполнение А. Морозовым роли пастора Чезьюбл — легко и лукаво обнажающим его пустую, болтливую ученость.

Некоторые же актеры иронизируют над своими героями слишком прямолинейно. Ведь большинство персонажей пьесы отнюдь не глупы и уж, конечно, обладают бесспорным чувством юмора, за исключением мисс Призм, к которой Уайльд особенно беспощаден именно потому, что она лишена его.

Думается, что леди Бракнелл (В. Беленькая) и особенно мисс Призм (Е. Лапина) огрублены, чрезмерно оглушены в спектакле. У Уайльда они смешны скорее своей претенциозностью и пустотой.

Образ молодой воспитанницы Уортинга — Сесили, пожалуй, самый сложный в пьесе Уайльда. В этой девушке, еще не испорченной буржуазной моралью, есть прелесть и чистота юности, искренности, но она уже принадлежит к искусственному, лицемерному свету, и будущее ее с ним. Сесили в спектакле грациозна, приятна внешне, но, так сказать, «изюминка» этого образа — стремление героини к настоящему, подлинному в жизни — не раскрыта, не подчеркнута актрисой К. Осолковой.

Общему верному тону спектакля способствует остроумное, изящное, проникающее тонкой иронией оформление художника Е. Кривошлеина, создающее возможность для выразительных, разнообразных мизансцен. Особенно интересны декорации 3-го акта: соединение интерьера с глубокой и поэтической садовой аллеей создает фон, на котором герои пьесы со всеми своими парадоксами, чудачествами, со всей своей respectableностью кажутся такими ненужными и комически незначительными.

Московский театр им. Пушкина, обратившись к этой остроумной комедии, высмеял не только лицемерие, ханжество буржуазного аристократического английского общества, его игру в высокие моральные принципы, но и чрезвычайно распространенную и в настоящее время в буржуазном обществе болезнь «бенберизма» — иллюзию свободы от действительной жизни, иллюзию возможности выйти за пределы буржуазного мира, ничего не изменяя в нем самом.

Н. АНОСОВА,

кандидат филологических наук.

Собеседник Вульф
11. IX. 58.